

Однажды в Боливии / фрагмент повести

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Однажды в Боливии / фрагмент повести ОДНАЖДЫ В БОЛИВИИ

Известие настигло меня уже в Москве, на третий или четвёртый день после возвращения. Долго не мог сообразить, о чём, или о ком ведёт речь незнакомый мне человек, звонивший на рассвете с другого континента, а может, вообще с другой планеты, говоривший негромким хриплым голосом, с сильным акцентом.

– Что? Плохо слышу Вас. Кто, кто умер? Нет, простите, я не расслышал имя. А кому Вы вообще звоните? Да, это действительно я. Как Вы говорите – какой синьор? О да, конечно, теперь ясно, о ком речь. Но Вы ошибаетесь, уважаемый, он жив и здоров, мы виделись всего несколько дней назад. Да, да, именно там. Да, в ресторане. Тромб, Вы говорите? Скоропостижно? Действительно умер?

Разговор давно закончился, но я продолжал машинально держать у уха телефонную трубку, из которой доносились короткие беспокойные гудки.

Он что, вправду умер?! Но ведь невысказанно было даже представить такое сочетание слов: он и смерть! Смерть и он! Постойте, а может это хохма? Очередная мистификация? Ведь по части приколов и розыгрышей именно он был специалистом высочайшего класса. Магистр, профессор, нобелевский лауреат, образно говоря. И сейчас, скорее всего, хохочет где-то над нами!

Из-под опущенных век предательски выкатилась капля тёплой влаги, стекла по щеке и затерялась где-то под скулой. Перед глазами возникла вдруг чёткая цветная, но почему-то беззвучная картинка: яркая скатерть, старинные гравюры в тёмных рамках на стене, огромный пирог цвета солнца на белом блюде, и он, Эдуард, Эдо, со стаканчиком граппы в руке, весёлый, сам какой-то солнечный, с сияющими глазами, смеющийся и жестикулирующий, очевидно, произносящий тост...

Солнце светило прямо в глаза. Я не видел тропинки, по которой шёл, но был уверен, что ступаю именно туда, куда надо. Возможно, я переоценивал себя. (Хотя вряд ли подходили тогда для моей ситуации привычные мнения и оценки.) Ведь до того, как солнце стало слепить, и всё вокруг превратилось в оранжевое, яркое, но, к счастью, не обжигающее пламя, я видел, а, следовательно, знал, что тропинка на самом деле узка и извилиста. Но главным было не это: она, тропинка, пролегла по узкому гребню горы, а вернее, скалы, так что в двадцати-тридцати сантиметрах, что вправо, что влево, был обрыв, резкий, крутой и невероятно глубокий. А внизу, и это я тоже знал точно, опять же с двух сторон находилось то, что обычно называют пропастью. Удивительно, но, идя по невидимой тропе, я чувствовал себя очень комфортно, да и горный воздух оказался неожиданно свежим, успокаивающим и одновременно тонизирующим. Дышалось легко.

В общем, я смело шагал по безопасной, как мне казалось, тропе. Куда, зачем? И почему это я вдруг оказался в горах? Странно, но эти вопросы совершенно меня не волновали. Меня ничего в этот момент не волновало.

Всё изменилось, когда приличный кусок скальной породы неожиданно отвалился, словно не выдержав веса моего тела. Земля, как говорится, ушла из-под ног, я покачнулся (а может, и не покачнулся, не помню точно) и полетел вниз.

Странно, но не было страха. В голове только роились разные мысли и слова, сложившиеся во фразу, вернее, в дурацкий вопрос: «Что сначала обычно происходит в свободном полете – отключается сознание или останавливается сердце?» Как будто не всё равно...

Необычным счёл я тот факт, что в ушах вместо предполагаемого в подобной ситуации свиста ветра стоял странный гвалт, какофония какая-то. Это меня удивило. Откуда вдруг взялись эти посторонние звуки, ведь летел я в пропасть совершенно один, без какой-либо компании.

Шум нарастал, становился невыносимым, и я... проснулся.

Пристегнутый ремнями к креслу, обнаружил себя в салоне самолёта, заполненного кричащими от ужаса пассажирами. Воздух давил на барабанные перепонки, внутри меня, по пищеводу к горлу как будто поднимался тугий ком, не дающий мне дышать. А вокруг – расширенные от страха глаза людей, паника, крики и мольбы о спасении.

Самолет падал. И это уже не было сном. Причем огромный лайнер не входил в пике или в штопор. У него работали все двигатели, он просто проваливался, как иногда случается в полетах, в воздушную яму, продолжая при этом движение вперед.

– Но ведь не бывает таких гигантских воздушных ям! – подумалось мне.

И тут же, будто произнесённые мною слова явились неким паролем, падение прекратилось. Причём, без резкого толчка, характерного при внезапном прекращении движения. Самолет теперь просто летел вперед, как ему и было положено, двигатели деловито и ровно жужжали, в салоне работали кондиционеры, привычно и уютно рассеивали свет потолочные плафоны.

В наступившей полной, если не брать в расчет гудение моторов, тишине, тонкий детский голос, с надрывом, произнес по-испански:

– Мамуля, очень хочу какать.

Моментально кто-то отозвался из соседнего ряда:

– Деточка, думаю, что минуту назад здесь очень многим хотелось какать!

Моего скромного словарного запаса хватило, чтобы понять смысл услышанных фраз. Дружный смех стал реакцией пассажиров на забавный этот диалог. Юмор на самом деле – великая сила! О напряженной тишине можно было позабыть. Улыбки, непринужденное общение, будто и не было никогда ужаса, заставшего меня врасплох при пробуждении.

Итак, «Боинг-737» авиакомпании «AVIANCA», рейс AV87, вылетевший из аэропорта «Эльдорадо» столицы Колумбии, продолжал свой полёт по маршруту Богота – Буэнос-Айрес. Лететь, по моим расчетам оставалось чуть больше двух часов. Воздушное наше судно, как небесная каравелла, величественно

плыло над бескрайней, снежной, казалось, пустыней, освещённой ярким, загадочным голубоватым светом невидимой мне луны, спрятавшейся где-то в вышине. Саму пустыню кто-то будто накрыл огромным колпаком, рассыпав изнутри по его иссиня-чёрной ткани мириады звёзд, крупных, уютно подмигивающих с высоты, и совсем мелких, мерцающих, как бриллиантовая пыль. Воздух же был будто слеплен из крохотных оптических линз, делающих его удивительно прозрачным, позволяющих чётко и объёмно различать малейшие детали фантастического этого пейзажа на огромном отдалении. Динамик щёлкнул и заговорил женским голосом. Авиакомпания сообщала, что в связи с погодными условиями закрыт аэропорт Буэнос-Айреса, да и почти все крупные воздушные ворота в регионе. Принять авиалайнер готов лишь город Ла-Пас, в Боливии. Мы совершим посадку там примерно через полтора часа. Компания приносит извинения и информирует, что гостиница и трансфер пассажиров оплачен.

Вот так, забегаая вперёд, скажу, что совершенно неожиданно судьба занесла меня в Боливию!

Скоро лайнер уже катился по лётному полю, а на фасаде аэровокзала чётко просматривались неоновые буквы «AEROPUERTO INTERNACIONAL EL ALTO. LA PAZ».

Смутно помню автобус с запотевшими стёклами, недолгую поездку по хорошо освещённым улицам, мрачноватый каменный фасад небольшого отеля, огромную кровать в тесноватом, но достаточно уютном номере.

Когда я проснулся, было светло.

Быстро умывшись, натянул водолазку, куртку-ветровку, водрузил на голову кепи, и, выйдя из номера, спустился в лобби. Есть не хотелось, я отказался от предложенного завтрака, узнал, что информация о вылете поступит не раньше трёх часов дня, что сейчас только десять по местному времени, и что отель наш расположен в центре, в старой части города.

Прямо перед гостиницей, слева направо и справа налево, в обе стороны, по широкой улице, разделённой зелёным газоном, деловито текли автомобильные потоки. Противоположная сторона улицы была застроена, если судить по архитектурному стилю, ещё в начале двадцатого столетия, невысокими двух- и трёхэтажными

домами. Похожие дома легко обнаружить в Вене, Берлине, Хельсинки. Да и в Москве их немало. Здания были нарядны, отреставрированы, радовали взгляд свежескрашенными фасадами, зеркальными стёклами витрин и разноцветными вывесками заведений на первых этажах.

Вдалеке, за массивной серо-жёлтой колокольней собора, терракотовыми кубиками домов лепились к чёрно-коричневым предгорьям окраинные городские кварталы, взбираясь высоко-высоко. Еще выше и дальше виднелась внушительная громада горной вершины, увенчанной снежной шапкой, завершая зрительно, как на живописном полотне, композицию.

Слева же и справа от меня, сразу за крышами старых зданий, обступивших площадь, в небо рвались разноцветные вертикали современных жилых высоток. Раскрашенные в мягкие, но достаточно яркие цвета, они создавали настроение праздника даже при пасмурном, хмуром, как сегодня, небе.

Где-то, на приличном расстоянии от центра, просматривались очень высокие опоры подвесной канатной дороги с жёлтыми кабинками, напоминающими подвешенные к облакам крохотные плоды лимона.

– А город-то красивый! – произнёс я вслух, адресуя эту фразу самому себе. – Надо бы обследовать его капитальней. Как думаете, сеньор? – *Sí, Señor, estoy totalmente de acuerdo.* (Да, сеньор, полностью с Вами согласен)! – завершил я ответом на вопрос внутренний свой диалог, правда, без уверенности в правильности испанской его части.

Торговые ряды действительно оказались небольшим рынком. Импровизированным, я думаю, ибо производил он впечатление даже не временного рынка, а скорее своеобразной ярмарки. Под разноцветными тканевыми навесами, в два ряда вплотную здесь были установлены холодильники вперемежку со стеллажами с товаром и столами, на которых громоздились кофемашины и различное оборудование для приготовления пищи.

В этих самых мангалах, электросковородах, кастрюлях, огромных, как на солдатских кухнях, и совсем крохотных, что-то урчало, скворчало, шипело, жарилось, варилось, распространяя над территорией рынка волны крайне соблазнительных запахов.

Рот моментально заполнился слюной. Сначала я пожалел, что отказался от завтрака в отеле, потом решил, что это как раз и здорово, ибо, скорее всего, гостиничная еда была бы стандартной, привычной, ну а здесь – раздолье для гурмана... Тут же вспомнил, что денег-то у меня нет, имея ввиду местные деньги. Но внутренний голос напомнил: «Старичок, у тебя же доллары, а доллар, как известно, – он и в Афри... простите, и в Латинской Америке – доллар».

Мысли о еде лишь на мгновение отвлекли меня, вывели из состояния нарастающего восторга, глубинную причину которого я ещё не конца осознавал, ибо все, что происходило сейчас вокруг меня, не походило на обычные базарные житейские сцены, свойственные многим рынкам, где довелось побывать.

Скорее, происходящее можно было назвать этнофольклорным фестивалем, костюмированным представлением, красочным спектаклем. Ведь основная масса присутствующих здесь, как и продавцов, так и посетителей, одета была в национальные костюмы и платья. Но, начинать анализ моих эмоций, стоит, думаю, не с этого.

Я знал, что Боливия – одна из немногих стран Латинской Америки, где основное население – индейцы. Но как же местные индейцы внешне отличались, к примеру, от индейцев Перу или Мексики, виденных раньше: строением черепа, разрезом глаз, цветом кожи, выражением лиц, наконец! У большинства местных тоже смуглая кожа, но иного оттенка, если так можно выразиться, крупные, в основном, черты лица, будто вырезанные резцом скульптора из коричневого камня, с удивительным выражением спокойствия и чувства достоинства.

Это самое чувство собственного достоинства явно выжалось в поведении: плавность движений, отсутствие спешки, подчеркнутая деликатность. И естественная, ненамеренная театральность удивительного сего действия только усиливала убеждение, что я наблюдал необычный спектакль, вернее – красочное шоу.

Красочность касалась, в первую очередь, женских одеяний. Чего стоили сложного, мудрёного кроя объёмные, многослойные юбки, собранные складками либо украшенные оборками и рюшами, из блестящих ярких тканей: желтых, оранжевых, зелёных, небесно-

голубых, украшенных, иногда, мелким орнаментом. Верхняя же часть одежды выглядела спокойней, в большинстве случаев это были большие платки, украшенные бахромой и неяркой вышивкой, используемые, как накидки, сероватых либо коричневатых тонов. И, наконец, головы индианок венчали фетровые шляпки – чёрные, тёмно-серые, коричневые, я бы сказал, оригинальной конструкции. По крайней мере, я такие женские головные уборы точно никогда не видел.

Подойдя поближе, задержался у столика, где на огромном подносе высилась буквально гора то ли булочек, то ли пирожков, источающих, даже на расстоянии, ароматы, возбуждающие аппетит. Да и вид этих самых то ли булочек, то ли пирожков, был крайне аппетитен. Коричневатое, местами золотистое, судя по всему, хорошо пропеченное тесто в форме лодочки, поверхность которой украшала тёмно-коричневая косичка из того же теста.

Индианка в чёрной шляпке, хозяйка, смотрела на меня доброжелательно-индифферентно-терпеливо, не улыбаясь и не пытаясь завести со мной разговор.

– Es carne? Por favor! (Это с мясом? Пожалуйста)! – напряг я свой хилый испанский. Женщина медленно опустила голову, в знак согласия, и произнесла слово, которое я не понял. Я достал свою мелкую наличность, протянул её на ладони, показывая два пальца на другой руке. Индианка аккуратно отделила купюру в один доллар, убрала деньги куда-то под накидку, оторвала бумажную салфетку от рулона, но, прежде чем завернуть пирожки, почему-то демонстративно подержала их вертикально, показывая мне.

Поблагодарив, забрал я свой тёплый, ароматный кулёк, и двинулся дальше, к столам с напитками. Увидел на одном бутылки, напоминающие пивные, но с незнакомой этикеткой, спросил уже почти уверенно:

– Es una cerveza, Señora? (Это пиво, сеньора)?

Бутылка местного пива «РАСЕÑA» обошлась мне ещё в один североамериканский доллар.

Уже уютно устроившись на скамейке в безлюдной части площади, рядом с фонтаном, откупорив с помощью брелока бутылку, вспомнил вдруг о манипуляции с пирожками женщины-продавца,

придал одному вертикальную позицию, и аккуратно откусил кончик. Так вот в чём был фокус! Ароматная мясная начинка буквально плавала то ли в бульоне, то ли в соусе, как в чебуреках. И, следовательно, если бы я начал есть, как обычно мы едим пирожки, моя куртка оказалась бы тут же залитой жирным мясным соусом. Ай да сеньора, благодетельница ты моя! Спасибо тебе! (Теперь-то, кстати, я знаю, что пирожки эти называются – «салтеньяс». Именно это слово, произнесённое индианкой на рынке, в момент покупки, я не понял.)

Утолив голод, перебрался на противоположную сторону улицы, чтобы вблизи разглядеть монументальный фасад собора. Прошёлся по небольшой площади перед зданием, прикоснулся к холодному, сырому камню, постоял, задрал голову, перед массивной колокольней и медленно, смешавшись с толпой, побрёл дальше по идеально чистому тротуару.

Через квартал, направо по ходу моего движения, вверх уходила улица, мощёная камнем. Когда-то, в детстве, я застал мощёные улицы моего родного города. Потом их, к сожалению, покрыли асфальтом. То ли вспомнив былое их очарование, то ли повинуясь внутреннему навигатору, я свернул направо.

Улица, по которой я теперь шёл, оказалась по-своему уютной, живописной даже за счёт бесчисленных разнокалиберных витрин и разноцветных вывесок, создающих особый архитектурный ритм, радующий взгляд.

Сначала я прочитывал, как и было положено, вывески полностью, не вникая, правда, в смысл незнакомых названий. «LAYDA», «GALERIA CHITO ART», «LAYO»... Позже от вывески к вывеске латинские буквы стали сливаться, выстраиваться в некую сложную, но забавную линию: OPTICAFOTCOPIASHOSTALCACORAKHACHAPURI...

Стоп!!! Ну-ка, давай назад! Что это ещё за – KHACHAPURI? Игра слов? Влияние разреженного воздуха? Или что-то ещё? Ибо если медленно и внятно прочесть эту, уже конкретную вывеску, прикреплённую чуть выше красивой резной деревянной двери на первом этаже трёхэтажного белого дома в колониальном стиле, получалось – ХАЧАПУРИ! Я прочёл ещё раз. Ничего не изменилось. Ниже этого загадочного слова более мелким шрифтом было

написано *restaurante*. Я покрутил указательным пальцем у собственного виска и машинально толкнул створку двери.

Внутри я обнаружил достаточно уютный зал, занимавший большую часть первого этажа. Дизайн помещения соответствовал архитектурному стилю дома: белые оштукатуренные стены, обшитый тёмными досками потолок, мощные балки перекрытия из того же морёного дерева, полы, выложенные каменными плитами. На окнах – коричневые тяжёлые гардины, раздвинутые полностью, не мешающие дневному свету проникать внутрь помещения.

Уют и своеобразный шарм залу придавали яркие, возможно ручной работы, тканые скатерти на столах, ковры, со вкусом подобранные, продуманно, но якобы случайно разбросанные по полу. На стенах – большое количество старых фотографий, дагерротипов и гравюр в деревянных рамках, оттенявших белую штукатурку стен.

Звучала негромкая музыка, два или три столика были заняты, в воздухе плавали ароматы еды и незнакомых специй, проникающие из кухни.

У арки, ведущей куда-то во внутренние помещения, задрапированной такими же, как и на окнах, гардинами, беседовали два молодых официанта, одетые в белоснежные рубашки с воротниками жабо, чёрные брюки, в достаточно длинных тёмно-красных фартуках-передниках. Светлокожие, черноволосые и черноглазые парни эти, видимо прямые потомки конкистадоров, отличались внешне от индейцев, коих было большинство на улице, откуда я пришёл.

Увидев посетителя, один из них, широко улыбаясь, направился в мою сторону.

– *Buenos Días! Que quiere el Señor?* (Добрый день, что желает сеньор)?

Вопрос застал меня врасплох, ибо я и сам не вполне понимал, чего я хочу и зачем пришёл? Вернее, я знал, чего именно я хочу, что заставило меня войти, но не был готов объяснить это внятно симпатичному молодому человеку в стильной форменной одежде. Я замялся, забыв от волнения те крохи испанского, какие знал. Образовалась пауза...

И вот тогда произошло нечто, казалось бы, немыслимое: второй

официант, оставшийся у арки, вдруг позвал «моего» по имени:
– Армен! – и добавил по-грузински: – Гахсовс чеми тховна
(Помнишь мою просьбу)?

О какой просьбе шла речь, я не знаю, но, представьте себе на минутку ресторан в центре города Ла-Пас, в затерянной в горах Южной Америки страны Боливии. И вот в этой самой Боливии, где государственным языком является испанский, где большинство жителей – индейцы, один официант разговаривает с другим, у которого армянское имя, на грузинском языке!!!

Шок – это самое простое и безобидное слово, пришедшее в голову! Может быть, разрежённый воздух и вправду вызвал с непривычки «глюки»? Не знаю, какое у меня в тот момент было выражение лица, но выражение лица официанта явно изменилось, улыбка сменилась тревожным удивлением.

– Que Pasa, Señor (Что с Вами, сеньор)? – медленно произнёс юноша.

Видимо, не до конца ещё вернувшись в реальность, я, неплохо владея грузинским, ответил вопросом на вопрос, по-русски:

– Вы действительно готовите хачапури? – и добавил по-армянски:
– ахпер-джан (друг)!

Вряд ли можно было придумать что-либо более глупое и несуразное! Тем более, далеко не факт, что мой визави знал русский.

Теперь пришёл черёд официанта удивляться, но парень быстро справился, снова широко улыбнулся и ответил по-русски, но с акцентом:

– Ну конечно, дядя, и не только хачапури, а ещё сациви и долму, к примеру! Присаживайтесь, пожалуйста! За любой столик! Акцент оказался специфическим, мне он был знаком – так говорят армяне, живущие в Грузии.

Я опустил на стул у ближайшего столика и показал официанту рукой на соседний стул, приглашая сесть и его. За всем происходящим с интересом и восторженно наблюдал второй официант. «Мой» же, попросив знаком коллегу взять на себя заботу о клиентах в зале, аккуратно присел на край сиденья.

– Хачапури и прочие кулинарные шедевры кавказской кухни подождут! Я оказался здесь, в городе совсем случайно и сегодня

же улетаю, времени в обрез. Так что, генацвале, рассказывай! Что именно? Да всё рассказывай! – попросил я, увидев вопрос в глазах Армена, – сначала, подробно, но коротко!

– Алик, тот, второй, мой сосед и друг детства, мы жили рядом в Авлабаре, в Тбилиси. Я – армянин, он – айсор. Наши отцы дружили. Когда в Тбилиси в 1992-м году начались бои между войсками президента Гамсахурдия и гвардейцами Китовани, обе наши семья покинули Грузию, – тщательно выговаривая русские слова, начал своё повествование Армен.

– Сначала мы пошли в Польшу, но так и не встали на ноги там, хотя мой и его отцы вкалывали в автосервисе – они были хорошие мастера по жестянке. Потом моего отца разыскал двоюродный брат, он жил уже тогда в Колумбии, и предложил поехать в Боготу. Аликины родители не рискнули, остались в Польше, но Алик поехал с нами в Латинскую Америку. Моя родня имела немного накопленных денег, и потом, привыкнув к новому месту, с дядиной помощью они открыли небольшое кафе-мороженое на улице. Потихоньку дело пошло. Позже удалось взять в аренду ещё и зал, где сделали небольшой ресторанчик. Родители – в кухне, мы с Аликом – в зале, официанты. И всё неплохо, но там, в пригороде столицы не было спокойно – то грабили, то рэкет, да и полиция тоже наезжала. Конечно, маленький наш бизнес кормил семью, но особой перспективы на будущее мы не видели. Привычная работа, привычные люди-посетители. Так и уходило время, медленно и одинаково.

До того момента, пока как-то раз в зале не появился незнакомый человек!

Он оказался наш земляк, из Сухуми, хорошо говорил по-грузински. Приехал по делам, кого-то навестить. Ему очень понравилось, как моя мама готовит, и он сказал, что живёт сейчас в Боливии, имеет там небольшую гостиницу в столице, и хочет открывать кавказский ресторан. Он взял наш адрес, спросил, не хотели бы мы работать у него, давал гарантию, попросил подумать.

Через две или три недели мы получили пакет с фотографиями его гостиницы и помещение для ресторана, и конкретно насчёт зарплаты и жилья в городе Ла-Пас. Этот человек вызывал

доверие, мы посоветовались, и рискнули. И не жалею!

Сейчас Вы как раз находитесь в этом ресторане нашего босса!

– Так он из Абхазии? Армен-джан – я тоже! И я сухумчанин! Как его зовут, сколько ему лет? – с волнением расспрашивал я официанта.

– Ну, ему примерно столько лет, что и Вам, а зовут его – сеньор Эдуардо Веласкес, только фамилия эта не родная, конечно, он сам шутит, что присвоил себе фамилию великого художника, а настоящую его фамилию я не знаю.

– Армен, а где он сейчас? – нетерпеливо перебил я парня.

– Здесь, у себя в кабинете или наверху, в отеле.

От волнения меня охватила дрожь, шутка ли встретить в Боливии, у чёрта на куличках земляка – это историческое событие, даже если мы и не знаем друг друга!

– Армен, дорогой, мне надо увидеть его! Думаю, и для него наша встреча станет сюрпризом! Только давай придумаем в шутку маленькую интригу, не говори ему, в чём дело! Скажи, например, что попался клиент кляузный, чем-то недоволен, требует в зал хозяина, иначе обещает скандал! Ну, или что-либо в этом духе, придумай сам! Давай действуй! Мале цади, цаватанем (Иди побыстрее, дорогой)! – завершил я свою просьбу фразой из двух грузинских и одного армянского слова.

Отправив официанта со специальным, можно сказать, заданием, сам пересел за дальний столик, спиной к арке, раскрыл объёмистое меню в кожаной папке и уткнулся в него, слегка прикрыв папкой лицо. На всякий случай, а вдруг?!

Ждать пришлось недолго. В проходе за гардинами послышались шаги, затем, уже в зале, я расслышал негромкий вопрос на грузинском, обращённый, по-видимому, к Армену:

– Ромели? Эс арис (Который? Этот)?

Кто-то, кого я не видел, подошёл к моему столику.

– Hola, Señor. Soy el amo. Querías verme (Здравствуйте, сеньор! Владелец – это я! Вы хотели видеть меня)?

Не открывая лица, я постарался придать своему голосу грозную, задиристую интонацию и буквально прошипел по-русски:

– Не только увидеть, но и поскандалить малость, пативцемуло батоно патрони (уважаемый господин хозяин)!

И только, вставив в конец гневной, якобы, тирады, грузинскую фразу, я опустил папку с меню, и, повернувшись к своему визави, взглянул на него снизу-вверх.

А сверху на меня внимательно смотрел, не мигая, высокий, слегка грузный мужчина, показавшийся мне гигантом не только благодаря росту, но из-за ракурса.

Правильные черты лица, короткие рыжеватые волосы на висках и пронзительный какой-то, удивительно знакомый взгляд ярко-голубых глаз.

Что-то непонятное творилось внутри меня, перехватило дыхание, в ушах появился противный шум, сердце заколотилось почему-то не в груди, а в горле... Я будто снова услышал слова, уже произнесённые незнакомцем, и, о Боже, узнал голос!!! Голос, который я не мог спутать ни с каким другим, несмотря на пролетевшие десятилетия! Голос друга моего детства – Эдуарда! Эдика! Эдо!

Я попытался улыбнуться, но вместо этого из глаз моих брызнули слезы, я совсем по-детски, неловко попытался обнять гиганта, прижался к нему головой, и разрыдался.

Лица его в тот момент я, естественно, не видел, но уверен, что плакал и он. Плакал и молча гладил мою голову, как в детстве гладят провинившихся, и прощённых затем, детей.

Мне казалось, что я сплю, или смотрю очень крутой современный фильм с эффектом присутствия, какой-нибудь 4D или 6D, или не знаю, что там бывает ещё круче!

В зале стояла полная тишина. Вытерев слёзы, я увидел обращённые к нам лица посетителей, удивлённых, не понимающих, что именно происходит на их глазах, но сочувственно улыбающихся. Да и оба слегка обалдевших официанта смотрели на нас с восторгом!

И дальше всё происходило, как во сне, в прекрасном, сказочном цветном сне, какие порой снятся каждому из нас в детстве, когда ты уверен, что всё происходит в реальности, которую, увы, разрушает пробуждение.

Накрытый в мгновение ока стол, заставленный разнокалиберными тарелками, тарелочками, мисками и вазами с благоухающей едой, украшением которого, безусловно, было внушительных размеров

блюдо из белого фарфора, на котором вольготно разлёгся покрытый ароматной поджаристой золотистой корочкой цвета полуденного солнца, огромный хачапури! Боливийский хачапури!!! И это было фантастикой!

– Ни абхазской, ни грузинской чачи у меня нет, будем пить итальянскую граппу.

Мне же было совершенно всё равно, пить ли что-либо вообще и что именно пить?

Вопросы, вопросы, вопросы! Я вываливал их десятками на бедного Эдуарда и, не давая ему толком возможности ответить, подбрасывал всё новые и новые порции. Да и мне самому приходилось рассказывать другу, которого не видел лет тридцать, хотя бы коротко, о том, чего он не знал, но что было крайне интересно и важно для него.

Но любой, самый прекрасный сон, когда-нибудь заканчивается!

Старинные часы, висевшие в зале над аркой, пробили три раза. Увы, мне предстояло вернуться в отель. Эдик взялся меня провожать.

Я расцеловался с официантами, приветливо помахал рукой оставшимся в ресторане клиентам и поддерживаемый за локоть Эдиком вышел на улицу. Нет, я не был пьян, моя неуверенная походка скорее объяснялась мощной лавиной эмоций, свалившихся на меня чудесным образом здесь, в городе Ла-Пас, неофициальной столице южноамериканского государства Боливия, в которое я попал совершенно случайно. Хотя, с другой стороны, случайностей ведь на самом деле, не бывает.

Неисповедимы пути твои, Господи...

В лобби Эдуард вручил мне визитку с адресом и личным номером телефона и взял с меня слово, что я обязательно приеду сюда снова в качестве его гостя.

В самолёте, немного придя в себя, я с ужасом понял, что, находясь в состоянии эйфории от удивительной нашей встречи, я позабыл многое из того, что рассказывал мне школьный друг. Запомнилось только, что он уехал из СССР в конце восьмидесятых, некоторое время жил в Голландии, а в конце девяностых перебрался в Южную Америку. И что семьёй так и не обзавёлся...

И вот я сижу в московской своей квартире, опустошённый, с влажными глазами и телефонной трубкой в онемевшей руке. В окна медленно вползает серый осенний рассвет, в голове роятся мысли, одна мудрёнее другой.

Ну не могу я просто так поверить в неожиданную смерть моего друга. Любого другого – да. Но только не Эдика!

Грустное настроение сменяется внезапными приступами веселья, когда я убеждаю себя, что это очередная, необходимая по какой-то конкретной, неведомой мне причине мистификация уникального человека, авантюриста, комбинатора, Игрока!

И в этот момент мне хочется верить, что пройдёт время, мне позвонят из офиса какой-нибудь солидной авиакомпании и скажут: – Уважаемый господин Делба! Имеем честь сообщить, что сеньором Эдуардо Веласкесом оплачены Ваши авиабилеты до Ла-Пас, Боливия и обратно, первым классом. Когда Вам удобно принять курьера?

Об авторе: ВЛАДИМИР ДЕЛБА

Прозаик, поэт, эссеист. Родился в 1946 г. В Абхазии. Секретарь Ассоциации писателей Абхазии. Член Союза литераторов России, Союза писателей XXI века. Сопредседатель литературного Совета Ассамблеи народов Евразии. Дипломант 26-й Московской международной книжной выставки-ярмарки 2013г. Лауреат Международного конкурса «Живая связь времен», 2014года. Первое место за книгу – «Амра, галеон юности моей» в Номинации «Творческий поиск». Государственный стипендиат 2016 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Лауреат Международной Премии имени Леонардо да Винчи за 2016 год. Лауреат Международной литературной премии им. Фазилы Искандера за 2019 год. Первое место в номинации «Проза».

Powestler